

ЛЕНА ВАЛЕВСКАЯ

A young boy with blonde hair and green eyes stands next to a young woman with long blonde hair and green eyes. They are in a lush green forest. A green lizard is climbing a tree trunk on the right. The boy is wearing a blue and white plaid shirt. The woman is wearing a green jacket over a white shirt. The background is a dense forest with sunlight filtering through the trees.

НАСЛЕДНИК
ЛЕСА

Лена Валевская
Наследник леса

«Автор»

2026

Валевская Л.

Наследник леса / Л. Валевская — «Автор», 2026

Он имеет власть над животными, лечит раны прикосновением и может говорить с нечистью. Русалки дарят ему венки, а кикимора учит разбираться в природе. Его рождение окутано тайной, а лес манит, словно дом родной. Ему одиннадцать лет, и он мой невозможный сын, которого не должно было быть. Наша жизнь спокойна и размерена. Тихая деревенька, лес под боком, плоды которого помогают нам безбедно жить, и трудолюбивый домовой, хозяйничающий по дому. Идиллия разбивается, когда приходит беда, и теперь я вынуждена найти отца моего ребенка — отца, которого я не видела никогда в жизни и не представляю, кем может быть человек, подаривший моему сыну волшебные гены наследника леса.

© Валевская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лена Валевская

Наследник леса

Пролог

Еще несколько крупных камней с оглушительным грохотом обрушились в опасной близости и раскатились по полу тоннеля.

Я отшатнулась, инстинктивно прижимая к себе сына. Макса потряхивало, его глаза были прикованы к завалу – завалу, только что замурававшему двоих человек в никому не известном, затерянном в лесной чаще подземном тоннеле.

Вот какого лешего мы не убрались отсюда сразу же, как только я нашла Макса? Надо было хватать сына и бежать, бежать со всех ног, пока была возможность! Знала же, что в лесу затаилось нечто поистине жуткое, желающее нам обоим зла! И ладно, если пострадаю я. Но Максусу всего одиннадцать! И он ни в чём не виноват!

Камни с потолка больше не сыпались. Последние отголоски разрушения растворились в наступившей тишине – жуткой, неестественной, давящей. В ушах отдавалось лишь бешеное сердцебиение.

Хорошо хоть полной тьмы для нас не существовало. Мы с Максом различали каменную кладку подземного хода, нагромождение булыжников там, где еще пару минут назад был выход из-под земли в такой привычный и родной лес, а позади, если развернуться, можно увидеть старинную деревянную дверь с медной массивной ручкой в виде выгнувшей спинку ящерицы. И скважиной, от которой, конечно же, ключа у нас не было.

Макс высвободился из кольца моих рук, подошел к завалу и потрогал камни, словно надеялся, что обрушение свода ему примерещилось.

- Макс! – позвала я. – Отойди. Вдруг еще что-нибудь рухнет.

Ребенок послушно вернулся ко мне.

- Вот это приключение! – восторженно произнес он. И, чуть помедлив, добавил. – А как мы будем выбираться?

Вопрос, который боялась озвучить я. А еще я страшилась показать сыну, насколько паникую, чтобы не напугать его еще больше. А я не просто паниковала! Настоящий ужас пытался затопить мое сознание, когда я осознала, что мы с моим ребенком просто-напросто погребены заживо!

Потому что выбраться из этой ловушки невозможно. Нам не сдвинуть эти глыбы. Нам не выломать дверь, которая еще неизвестно куда ведет.

И во всем этом виновата я.

- Мам, – прикосновение Макса вывело меня из оцепенения и заставило сфокусироваться на сыне. – Мам, ты как?

Тоннель словно растворился вокруг нас. Я смотрела только на Макса. Это помогало держаться. Это сохраняло сознание на краю пропасти.

- Мама, всё хорошо, – говорил Макс, глядя мне в глаза. – Мы выберемся. Мы обязательно выберемся... Дыши...

Дыши... В этот момент я вспомнила, какое маленькое пространство нам теперь отведено для существования. Сколько в нем воздуха? На какой срок его хватит? А вдруг он уже кончается, и мы вот-вот начнем задыхаться?!

И вот тут меня всё же накрыла паническая атака.

- Мама! – сквозь вату накрывшей меня тьмы пробивался испуганный голос сына. – Мама, ну, мама! Держись!

Держаться? Держаться?! Мне хотелось бросаться на камни и кричать, колотиться о них в бесполезной попытке пробиться туда, наружу, на свободу... Но пока что я только испытывала нехватку воздуха. Хрипела, хваталась за горло.

И задыхалась.

Тонкие холодные пальцы легли мне на лоб. Но не холод, а тепло, светлое, доброе, солнечными лучиками втянулось в мою голову, согревая и успокаивая. Несколько секунд – и паническая атака отступила, сдалась и скрылась где-то в глубине моего сознания.

До следующего раза.

Я, наконец, смогла вдохнуть.

- Спасибо, сынок, – прошептала я, опускаясь на пол. Пережитый ужас съел слишком много сил, и по телу теперь расползалась гадкая слабость.

А у нас даже воды не было...

- Нам нужен мой отец! – вдруг убежденно заявил Макс. – Он точно нас спасет, он сможет. Я найду его, и он вытащит тебя отсюда!

Отец? Если бы я могла, то истерично бы рассмеялась. Найти? Его? Я так и не смогла. Я даже не узнала, кто он на самом деле. И уже не узнаю.

И как же нас спасет тот, кто даже не подозревает о существовании своего сына и его горематери?

«Я найду его, и он вытащит тебя отсюда!»

Странная фраза сына резанула мозг своей абсурдностью. Я вскинула глаза на сына.

И меня едва не накрыла вторая волна панической атаки.

Макса в тоннеле не было.

Я моргнула. Потом позвала сына. Потом еще раз моргнула. И протерла глаза. Осмотрелась. Оставленного мне пространства было всего метра четыре на семь и еще полметра над головой. Просто стены, потолок, завал и запертая дверь – и ни единого уголка, где мог бы спрятаться одиннадцатилетний мальчик.

Тем не менее, в подземном ходе Макса больше не было.

Так, Маша, вдох, выдох. Вдох, выдох. Хорошая новость: Макс больше не замурован со мной в каменном тоннеле. Плохая новость: я понятия не имею, где мой ребенок.

Существовала маленькая доля вероятности, что он сделал ровно то, о чём говорил. Отправился искать своего отца. Отца, о котором никто из нас не имел ни малейшего представления.

И почему-то во мне зрела ненормальная уверенность, что он его найдет. И я даже не буду гадать, каким образом. Впрочем, как и о способе, с помощью которого мальчик покинул замурованный обвалом тоннель.

Потому что это Макс.

Мой невозможный сын.

Глава 1

Мама воспитывала меня в одиночку – отец, «подлец и мерзавец», исчез из нашей жизни еще до моего рождения.

И воспитывала, надо сказать, своеобразно.

С моего тела не сходили синяки. Волосы выдирались чуть ли не с корнями. Думаете, всё это было за дело? Да, за дело – из воображения моей мамы.

О, сколько раз мне попадало только за то, что ей что-то примерещилось или, как говорится, стукнуло в голову. А если, не дай бог, кто-то что-то скажет, даже не обо мне лично, а просто о поведении детей в целом, или про чужого ребенка – мама наказывала меня. Просто так, на всякий случай. Или для профилактики. Или, чтобы не выросла «как ее никчемный отец».

Для профилактики же, на этот раз не плохих наклонностей, а здоровья, маме как-то взбрело в голову меня закалять. Вроде бы в самом этом намерении нет ничего плохого. Правильная закалка действительно только на пользу.

Но это правильная закалка.

Меня выставляли на мороз в одних трусиках и босиком. И выливали на голову ведро ледяной воды. В ту пору мне едва исполнилось десять лет.

Спасение пришло со стороны учительницы, которая случайно проходила мимо и увидела весь этот ужас. Поговорила она с мамой крепко. После этого мама прекратила свои «оздоровительные» опыты над родной дочерью. Впрочем, это не избавило меня от воспитательного процесса в целом.

Странно, но почему-то мне всегда казалось, что мама поступает правильно. То ли она смогла убедить в этом меня, то ли я по природе своей была слишком покладистой, слишком послушной дочерью и была уверена, будто именно так и должны жить все дети. Но, поскольку, жили они на самом деле иначе, у мамы всегда находилось оправдание, и оказывалось, что дети не играют – они носятся, сильно шумят и мешают жить другим, потому что их никто не воспитывает. Они, доченька, вырастут разбойниками и бандитами. А ты – воспитанным и правильным человеком.

И я действительно росла правильной. Слишком правильной. Вместо того, чтобы после уроков погулять на свежем воздухе или поиграть с другими детьми, я бежала домой. Еще бы, ведь стоило опоздать хоть на минуту, меня наказывали. Друзей, которые всё-таки были у меня в глубоком детстве, мама быстро отвадила, а новых завести уже не получалось. Мама радовалась: отлично, никакого дурного влияния чужих детей и улицы. А я всё больше и больше теряла элементарные навыки знакомства с новыми людьми и общения с уже имеющимися в моем окружении.

Надо ли говорить, что ни с мальчиками, ни впоследствии с молодыми людьми я не дружила. Об интимной стороне отношений, конечно, знала. А именно, что «делать это» могут только невоспитанные и плохие девочки. А правильным девочкам мальчиков нельзя даже просто касаться. Ибо это мерзкие и грязные отношения и до добра они не доведут.

Мама жутко боялась, что однажды я принесу ей в подоле внебрачного ребенка.

Вот почему, когда появился Макс, она испытала какую-то гремучую смесь разочарования в дочери и едкую, граничащую со злорадством радость оттого, что она оказалась права: грязные отношения действительно довели до естественного результата, и если бы ее распутная дочь слушалась и делала так, как ее учили и воспитывали, ничего такого с ней бы не произошло.

И вот почему сама я до сих пор не понимаю, как этот ребенок, мой невозможный сын, вообще мог появиться на свет.

Лето в тот год, когда появилась моя загадочная беременность, было теплое, сухое и солнечное, но пролетело слишком быстро. Особенно август — последний перед учебой месяц, а ведь именно в его дышавшие приближающейся осенью дни свершилось мое совершеннолетие, празднование которого я не запомнила вообще. Не было празднования. Похоже, этот знаменательный день прошел вполне обычным будним чередом, никем не замеченный, никому не нужный. Кажется, я и сама вспомнила про то, что стала официально взрослой, только в сентябре, на одной из лекций. И то случайно.

В учебу я окунулась с тяжелым сердцем и пустым интересом. Лето оставило в душе странный отпечаток грусти и легкой меланхолии. И какой-то смутной тревоги. Иногда, в особые дни, когда луна светила сильнее обычного, и ее резкий желто-белый свет мощным прожектором заливал ночные пейзажи, вырезая из них тени совсем по-дневному, на меня накатывало отчаяние, а грусть трансформировалась в черную тоску. И тогда я металась всю ночь напролет в своей узкой жесткой кровати, сдерживая крики и глотая непрошенные, непонятно отчего берущиеся слезы...

Мама ни о чем не подозревала. Я умела прятать свое странное состояние. Потом всё проходило. Не до конца, просто пряталось куда-то вглубь меня и сидело там смутно ощущаемой, саднящей занозой. До следующего раза.

Наверное, я слишком устала, а лето, безумно короткое лето, не успело дать мне тот отдых, в котором так нуждались мое тело и ум на каникулах.

А может, дело в другом, и я ненавидела саму учебу, этот скучный техникум и совершенно неинтересную профессию, которую я вынуждена была постигать.

Кем мне быть в будущем, выбирала мама. Не знаю, из каких соображений, но она видела меня поваром. Вот на повара я и училась, хотя готовить не любила в принципе. Нет, это не значит, что дома мне не приходилось варить борщи или строгать салаты. Приходилось, еще как. Это нормально, когда девочки помогают маме на кухне, а потом и сами обеспечивают семью вкусными горячими обедами. Но моястряпня всегда сопровождалась жесткой критикой и обвинениями в криворукости, что напрочь отбивало всякое желание связываться с готовкой вообще. А уж заниматься этим всю свою жизнь...

Но деваться было некуда, и я училась. Старательно училась. И, видимо, перенапряглась, однажды во время очередной лекции бухнувшись в обморок. В себя я пришла почти сразу же, но всё равно в тот день меня отправили домой. Маме я опять ничего не сказала, не желая ее беспокоить.

А потом началось что-то странное.

Сперва в животе появилось непонятное жжение. Оно то усиливалось, то пропадало совсем. Гастрит, подумала я тогда. Надо нормально питаться. А то с этой учебой совсем посажу себе желудок.

Затем, как бы подтверждая поставленный самодиагноз, дошло до тошноты. Иногда меня выворачивало от одного только запаха еды. Учеба превратилась в сплошное мучение, ведь с едой мы работали, и запахи сопровождали нас всегда.

Скрывать мое состояние от мамы дальше было невозможно.

- Та-а-ак, — произнесла она, наблюдая, как я в очередной раз выхожу из туалета бледная и измученная. — Собирайся.

Так я оказалась в женской консультации.

Гинекологом была пожилая суровая женщина, которая не церемонилась с молодыми девушками. Она оказалась из той категории людей, которая по умолчанию считала всю молодежь беспутной и гулящей.

Возможно, просто именно таких она и видела в своей работе.

А еще она была хорошей знакомой мамы. Елизавета Петровна, так ее звали.

Бесцеремонно втолкнув меня в кабинет, мама сходу выложила ей свои подозрения. Выражались они в том, что ее дочь, прости господи, скорее всего залетела, проверь ее, пожалуйста. И села на стул, явно приготовившись присутствовать при осмотре.

Выглядело это так, словно я всю жизнь только и делала, что таскалась по мужикам и вот осчастливила мать внебрачным ребенком. И мне вдруг стало так обидно – мне, той, что каждую минуту своего существования старалась угодить, не разочаровать и во всем слушаться свою мать.

- Мам, ну что за глупости. У меня просто желудок болит. Нам надо к другому врачу. При чем тут гинеколог? Ты же знаешь, я ни с кем не была...

- Лиза, проверь ее, – настойчиво повторила мама гинекологу. – Хочу убедиться.

Елизавета Петровна поцокала языком.

- Да-а, – протянула она осуждающе, – девки нынче совсем стыд потеряли.

Елизавета Петровна была слишком близкой знакомой мамы и явно зарзилась ее отношением ко мне.

Мне было обидно. Очень. Ну что за предвзятое отношение? Каких нелепостей про меня ей успела наговорить мама, если гинеколог так легко приняла на веру, что дочь ее подруги «залетела»? А сама мама? Зачем она так со мной? Разве я не старалась быть для нее идеальной дочерью? Разве не чуралась общества не то что мальчиков, а избегала любого общения вообще?

А еще мне было стыдно, что вся эта и без того унижительная процедура осмотра будет проходить в присутствии мамы.

Я зажмурилась и выпалила:

- Мама, выйди, пожалуйста!

Сказать, что мама удивилась – ничего не сказать. Она раскрыла рот и уставилась на меня.

- Я взрослая! – поторопилась я укрепиться в своих позициях. – Я имею право сидеть в кресле гинеколога без мамы. Подожди за дверью!

И тут – о чудо! – мама встала и вышла за дверь. Без единого звука. Но перед этим посмотрела на врача. Посмотрела тем самым взглядом, после которого мне захотелось залезть под гинекологическое кресло и никогда оттуда не вылезать. Словно я действительно была в чем-то виновата.

Этот взгляд означал: «Лиза, расскажешь мне всё о ней без утайки. И уж тогда...»

- Раздевайся и садись в кресло, – сказала Елизавета Петровна, а сама принялась заполнять мою карточку.

Сгорая от стыда, я выполнила всё, что от меня требовалось.

- Когда в последний раз были менструации? – не отрываясь от записей, дежурно поинтересовалась врач.

- Не помню, – честно сказала я.

- Хотя бы примерно.

Я пожала плечами.

- Месяц назад? Два?

- Не помню.

- Когда в последний раз был половой акт? – продолжила допрос Елизавета Петровна.

- Я девственница, – с ноткой гордости сказала я.

Она сурово глянула на меня из-под приподнятых очков.

- Точно? – с явным недоверием переспросила гинеколог. – А то знаю я вас. Сначала – я девственница, я девственница. А потом: ой, один раз у меня все-таки было. Да и мать привела тебя не просто так. Раз есть подозрение на беременность, значит, был повод.

Мне стало неловко. Врач пугала, она сильно напоминала мою маму, и в ее присутствии я особенно терялась и не могла достойно ответить. Так, чтобы потом не чувствовать себя уязвленной.

И вот какой смысл мне обманывать гинеколога? В конце концов, такие вещи сразу становятся видны при осмотре.

...Что и произошло.

- Вот девки пошли, – разочаровано и с ноткой презрения сказала Елизавета Петровна, едва начав осмотр. – Погуляла все-таки? Чего врать было?

- Я не гуляла, – пролепетала я пристыжено. Хотя виновата не была ни в чем. Слова гинеколога меня удивили. Она же проверила меня, видела всё, как есть. Почему тогда она так странно говорит?

- Так, – отрезала Елизавета Петровна мои попытки объяснить, что то, о чем она говорит, попросту невозможно. – Ты не просто погуляла, но и нагуляла. Зови мать.

Глава 2

Я медленно сползла с гинекологического кресла и так же медленно, словно уже умерла, натянула одежду. В голове отбойным молотом била только одна мысль: «Нагуляла? Я? В смысле?!»

Да что происходит?

Уже у двери я обернулась к врачу и все-таки выдавила:

- А это точно?

- Точно, точно, – усмехнулась врач. – Конечно, мы тебя еще проверим, анализы сделаем, но и так всё понятно. Давай-давай, зови мать. А то ноги раздвигать перед мужиками мы можем, а как последствия, то сразу: «Не может быть, да как же так?»

- Я не раздвигала, – пролепетала я.

Но меня никто не слушал.

А потом и вовсе начался ад.

Обе женщины долго и бурно обсуждали сложившуюся ситуацию и как ее решить. Мать периодически бросала на меня такие многообещающие взгляды, что меня каждый раз накрывала волна горячего ужаса. А еще на ее лице иногда возникала улыбка. Та самая улыбка, которая так и кричала: «Ну что я говорила! Так я и знала! Истинная дочь своего отца!»

Часто звучало слово «аборт». И вот оно почему-то казалось куда страшнее любого маминского наказания.

Это был кошмарный день, день, когда мой мир перевернулся, вывернулся наизнанку. День, когда внезапно открылось нечто такое, о чём я в своей жизни не подозревала. День, когда решалась судьба крохотного человечка, малыша, с которым я еще не была знакома и которого быть просто не могло.

Судьба Макса.

Спасло сына мое здоровье. Как оказалось позже, эта беременность что-то пошатнула в моем организме, и делать аборт было попросту опасно. Елизавета Петровна, «добрая» женщина, успокоила маму, что, скорее всего, и так будет выкидыш, но специально избавляться от ребенка чревато.

Дома мама устроила мне жуткий скандал, затем долго охала и ахала, хватаясь то за сердце, то за таблетки, имитируя все болезни подряд, вплоть до сердечного приступа. Называла меня потаскухой и сокрушалась, что все ее труды по воспитанию пропали даром, а гены ее никчемного бывшего мужа – моего отца – все-таки взяли верх.

Я молчала и даже не пыталась оправдаться, поскольку это бессмысленная трата нервов и времени. Сейчас, как, впрочем, и всегда, она бы меня не услышала. Кроме того, я попросту пребывала в ступоре. Мысль о том, что всё это какая-то чудовищная ошибка, или сон, от которого я проснусь, и всё будет как прежде, не отпускала.

Вот как? Как я могла оказаться беременной, если никогда не была с мужчинами?! Да при такой маме я даже посмотреть боялась в их сторону!

Затем последовал допрос. Маму интересовало всё: кто он, как давно я с ним встречаюсь, как начались наши отношения? Она порывалась найти «этого ублюдка» и отдать его под суд. Она много еще чего хотела, отчего у меня начинала кружиться голова и хотелось побиться об стенку.

Мне нечего было ей рассказать. Совсем.

Потому что я не помню, абсолютно не помню, как это могло произойти.

Мама третировала меня еще долго, очень долго. И ждала. Ждала, когда же случится этот обещанный выкидыш.

Но Макс оказался живучим мальчишкой. Он крепко уцепился за свой невероятный шанс. Он даже развивался быстрее обычного плода, словно торопился поскорее родиться, будто боялся, что бабушка передумает и отправит его маму на прерывание беременности... и родился в итоге на восьмом месяце абсолютно нормальным, полностью сформированным младенцем.

В тот жуткий мартовский день я едва не погибла. Бесконечный стресс и непонятная аномалия подорвали здоровье и привели к тяжелым, хоть и быстрым родам.

Говорят, меня уже не надеялись откачать.

Три минуты клинической смерти.

И новорожденный, который никак не хотел кричать. Он и сам словно не был готов к этому огромному холодному миру и в легком ступоре тарасил глазенки куда-то в одну точку.

А потом он вдруг заплакал, и так громко и требовательно, словно пытался компенсировать эти три минуты молчания.

Говорят именно тогда, после этого отчаянного крика едва не ставшего сиротой малыша, я вдруг задышала.

Мама приехала в роддом на третий день.

Она хмуро посмотрела на осунувшуюся бледную меня и сухо бросила:

- Понимаешь, какой это позор? В общем, домой не вздумай возвращаться. А знакомым я скажу, что ты отправилась учиться в другой город.

- Мама... – хрипло выдавила я, не веря своим ушам. – Я чуть не умерла...

- Для меня теперь так и есть, – сказала она. – Я воспитывала другую дочь. Видно, плохие гены оказались сильнее. Как папашка твой никак не мог нагуляться, так и...

Она замолчала, переводя дыхание. Потом заговорила вновь:

- Короче, я привезла тебе твои вещи, документы и ключи от бабушкиного дома. Она тебя любила, так что проваливай жить в ее дом. Только не вздумай там проговориться, что ты и есть Маша, бабкина внучка и моя дочь. Не позорь семью.

Она поставила сумку на кровать, почти на мои ноги, и пошла к выходу.

- Мама! – позвала я ее в последней попытке вернуть ее... если не любовь, то хотя бы расположение. – Мам! А ты не хочешь увидеть внука?

- Внуки рождаются в законном браке, – отрезала мама и ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.